

И.Ю. Волкова

К вопросу о римских *numina*

Вера в нуменов – один из проблемных вопросов истории религии Древнего Рима. Целью настоящей статьи является определить религиозные составляющие этого феномена. На основании свидетельств источников делается вывод, что римские нумены представлялись не отдельными самостоятельными боже-ствами, а воплощениями богов римского пантеона, выражавших свою волю через объекты и явления материального мира. Римляне не имели достаточно четких представлений о персонифицированных образах своих богов и их функ-ция; практика же установления культов нуменам позволяла ограничиваться упоминанием события или эпитетом божества, без указания его личного имени, и давала возможность избежать роковых для религиозного сознания ошибок в служении богам. Тесная связь римской религии с государственной сферой привела к учреждению культов древних царей Рима, в которых прослеживается вера в нуменов, коими представлялись носители власти в римской общине. В дальнейшем эта вера легла в основу сакрализации власти республиканских магистратов и римских императоров, а в более позднее время выразилась в христианском понимании правителя как «Помазанника Божьего». Традиция почитания божественных нуменов была базовым компонентом римских рели-гиозных представлений. Объединяя в себе веру в единое (с трудом делимое) божественное начало и в его способность проявляться в материальных объ-ектах и людях ради спасения мира, она могла стать почвой для прорастания монотеистических учений начала нашей эры.

Ключевые слова: Древний Рим, Царский период в Риме, культ власти в Риме, божественный нумен, индивидуальный культ римских правителей, Ромул, Эней, Геракл.

Вера в нуменов (*numina*) – одно из интереснейших, но мало освещенных в научной литературе явлений древнеримской религии. Актуальность изучения этого вопроса в настоящее время поддерживается

все возрастающим интересом к истокам индоевропейской цивилизации в целом и ее религиозному наследию в частности. В ходе исследований, заново пересматривающих имеющиеся и привлекающих новые археологические свидетельства, открывается все больше вопросов относительно проблем, которые казались уже давно решенными или, наоборот, оставленными без внимания ввиду малого подкрепления историческими источниками.

Как явление вера в нуменов упоминалась в работах отечественных и зарубежных авторов, исследовавших древнейшие истоки римской религии. Впервые эта проблема была поднята немецким ученым Г. Виссовой [29] еще в 1912 г., когда она высказала ряд идей о причинах и этапах формирования этого явления, не предложив, однако, окончательных выводов касательно его природы. Позже Г. Вагенворд [28] и ряд других исследователей соотнесли веру в нуменов с верой в т.н. «мана»¹ – сверхъестественную энергию, якобы присутствовавшую в местах и людях, к которым применялся термин *sacer* – «священный». На глубокую древность формирования представлений о нумене указывали К. Латте [24], П. Бойансе [21]. В отечественной науке А. Немировский предложил рассматривать нумены в качестве основы для формирования образов низших божеств в древнеримской религии [12], а Г. Кнабе связывал их с верой в руководство богами римской *civitas*² на основании «законов» *pax deorum*³ [9]. Однако общее мнение в отношении этой проблемы в науке так и не сформировалось и, к сожалению, на сегодняшний день специальных крупных исследований по этой теме нет.

В диссертации автора данной статьи «Религиозное обоснование власти и политического лидерства в Риме (царский и республиканский периоды)» (2005 г.) этот феномен был рассмотрен в рамках темы о роли традиционных римских религиозных верований в складывании представлений о сакральности военной и политической власти в римской *civitas* эпохи царей и Республики. Тогда же было высказано предположение, что вера в нуменов была одной из древнейших базовых составляющих культа власти в Риме, т.к. создание ореола священности вокруг персон верховных правителей, будь то древние цари или республиканские консулы, общающиеся с богами и руководимые их волей, основывалось на почитании их в качестве божественных «нуменов» [3, с. 85]. В дальнейшем эта вера сыграла свою роль и в становлении римского императорского культа.

¹ «Мана» – термин, принятый в современной науке для обозначения сверхъестественной энергии в объектах материального мира в верованиях древних народов.

² *Civitas* – гражданская община.

³ *Pax deorum* – комплекс представлений древних римлян о поддержании мира с богами.

Но почитание нуменов в Риме – явление гораздо более сложное, чем просто «элемент культа власти». Кроме того, оно не совсем укладывается в наши представления о классическом язычестве. Цель данной статьи – попытаться проследить исторические истоки этого верования, дать характеристику его сакральной сущности и выявить область религиозной жизни римской *civitas*, где оно в большей степени проявилось.

Итак, что же такое римский нумен (*numen*)? Древнеримской религии известно множество нуменов (*numina*) – божеств, ответственных, по римским поверьям, за отдельные события человеческой жизни и природы. По мере того, как возникали новые обстоятельства, более или менее значимые для общественной или частной жизни в *civitas*, возникали культы все новых и новых нуменов. В связи с этим в современной науке появилось мнение, что нумены – это своеобразные «божества момента».

Такое представление о них сложилось на основе свидетельств источников, хотя и довольно поздних. Именно так объясняет природу нуменов христианский автор IV в. н.э. Арнобий в своем труде «Против язычников». Арнобий полагал, что римляне придумывали себе нового бога по каждому случаю [2, кн. IV, § 8]. В этом он видел одну из главных характерных черт древней римской религии и явное доказательство неразумности язычников. Этих богов он и называл *numina*. К ним он относил Луперку (*Luperca*), считавшуюся прообразом волчицы, выкормившей Ромула и Рема; Престану (*Prestana*), чье имя было связано с некоторыми событиями легенды о Ромуле, в которых обнаружилось его превосходство в метании копья; Панду (*Panda*) или Пантику (*Pantica*), учреждение культа которой было связано с памятью о взятии Титом Тацием Капитолийского холма благодаря открытию (*pandere*) ворот [Там же, § 3], и множество других.

Ставить под сомнение выводы Арнобия, жившего около тысячи лет спустя после основания этих культов и триста с лишним лет после зарождения христианского учения, не имеет смысла. В его время многочисленные нумены вполне могли почитаться как самостоятельные божества, т.к. истоки этой древней традиции уже давно были позабыты, и на фоне все более укрепляющегося христианства эта вера воспринималась как опасное для христиан суеверие, отыскивать корни которого вовсе не было целью работы Арнобия. Поэтому при всем уважении к Арнобию и принимая во внимание его мнение, мы имеем право усомниться только в том, что за столь долгий исторический период в вере в нуменов ничего не менялось.

Углубимся в историю, поближе ко времени зарождения представлений о нуменах, тем более что подобные культы возникали не только

в глубокой древности. Так, *Aius Locutius*, священный голос, предвестивший галльское нашествие, почитался римлянами на Новой улице в Риме, где он когда-то был услышан [11, кн. V, § 32 (6)]. Действием некоего божества римляне объясняли и отступление Ганнибала от Рима. Этот нумен почитался как *Rediculus* или *Tutunus Rediculus* [23, 782 M]. В том месте, где якобы, началось отступление вражеских войск, ему был сооружен алтарь [12, с. 54].

Хотя в некоторых сакральных надписях нумены кажутся не абстрактными, а определенными субъектами [18, с. 108], еще Г. Кнабе обратил внимание на то, что «нумен» в римском понимании был не богом как таковым, а указывал лишь на факт проявления воли божества, т.е. был «явленной эманацией божественной силы» [9, с. 677]. По его мнению, слово *numen* могло иметь связь со словом *nuo* («кивать, давать знаки») и указывало на божественный акт, смысл которого состоял в попытке подсказать людям правильное действие, конечной целью которого было поддержание благополучия *civitas*. Г. Кнабе также указал на то, что обозначаемое этим словом религиозное верование является очень древним по своему происхождению, хотя сам термин появился в римской литературе только во II в. до н.э., сначала у Акция, а затем и в «Латинском языке» Варрона [Там же]. Но термины, собственно говоря, всегда появляются позже явлений, ими обозначаемых: когда наступает пора теоретически эти явления осмыслить. Такой благоприятный исторический момент настал к концу прошлой эры, когда римляне, активно знакомившиеся с трудами греческих философов, перенимали их манеру интеллектуального анализа религии, в том числе и собственного традиционного культа [20, с. 39].

Писатели, более ранние, чем Арнобий, определяли сущность нуменов не так категорично, как он. У них «нумен» то обозначает само божество, то является абстрактным выражением божественного величия, могущества, или собственно воли бога, или просто функции божества. У Сервия, автора известных комментариев к произведениям Вергилия, один бог имеет много *numina!* [26, Аеп., I, 666]. Сервий жил в IV в. до н.э., но, в отличие от Арнобия, он целенаправленно и без предвзятостей изучал языческое наследие, видя в нем кладезь всевозможной мудрости. Цицерон же в I в. до н.э. дал такое определение нуменам: «Бессмертные боги защищают свои храмы и дома Города, присутствуя среди них в виде своего нумена и в виде той поддержки, что они этим храмам и домам оказывают» [22, Сат. II, § 29].

Следуя приведенным определениям и примерам, можно предположить, что нумен представлялся божественной силой более сложной по своей природе, чем просто «божеством момента», вдруг возникшим

ниоткуда. Это божественная сила, от века пребывавшая в *templum* – священном, по римским понятиям, пространстве, где божественное и человеческое соприкасалось друг с другом ради общих интересов, подчиняясь единым для богов и людей законам «божественного миропорядка» (*pax deorum*), но время от времени проявлявшаяся в материальном мире, воплощаясь в тот или иной материальный объект с целью защиты общей для богов и людей *civitas* [3, с. 32–37]. При этом было неважно, воплотилась ли эта сила в скрип двери в хижине гражданина или в молнию, ударившую в крышу храма. Частное и общественное было неразделимо в традиционных представлениях римлян о священности *civitas*. Мыслилась ли эта сила единой или поделенной между персонифицированными богами, представление о ней допускало, что воплощений одного и того же божества могло быть столько, сколько ему нужно для выполнения своей роли. Тогда получают объяснение слова Сервия о множестве нуменов одного бога.

Истоки подобных верований нужно искать в том историческом периоде, когда божественное начало еще не приобрело антропоморфных очертаний в сознании людей. Божественному духу поклонялись в рощах, пещерах, у ручьев и т.п. местах, а его проявления видели в поведении животных, безотчетных чувствах людей, в житейских событиях, что характерно для многих древних обществ. Но дальнейшее развитие первобытных представлений о сакральном предполагает своего рода «разделение труда» в божественных сферах, появление антропоморфных образов богов с определенными обязанностями и полномочиями и установление между ними событийных связей, что является сутью мифов, основой появления мифологии как таковой. Однако на римской почве мифология не сложилась. Даже если попытаться обнаружить ее зачатки в, вероятно, некогда существовавших сказаниях о Янусе и Сатурне, т.е. наиболее древних персонифицированных божествах, в которых проглядывают образы древнейших культурных героев, отсутствие сложившейся исконно римской мифологии приходится признать как факт.

На определенном историческом этапе в Риме все же появляются «человекоподобные» боги. Но их образы обращают на себя внимание некоторой своей искусственностью – это явно плод культурного вмешательства извне. Первые антропоморфные изображения получают те боги, в чьи функции входит покровительство государственной власти. Это соотносится к VI в. до н.э., когда в Риме особенно заметным становится активное политическое присутствие этрусков [см. 14, кн. V, гл. II, § 2]. Древнейшие собственно римские божества пенаты тоже приобретают «человеческий облик», но в этом заметно их отождествление

с греческими Диоскурами. В качестве примера этому может послужить посвященная им надпись, относящаяся к тому же VI в. до н.э., найденная в Лавинии [6, с. 164–189].

Те же римские божества, которые не находят себе более-менее подходящих отражений в пантеонах соседних народов, антропоморфного выражения не получают. Например, древняя Веста так и не стала антропоморфным божеством, а всегда ассоциировалась только с огнем очага. Хотя в храме Весты в Риме и имелось некое скульптурное изображение – Палладий, почитавшееся как символ римского могущества [11, кн. V, § 52 (7)], но связь его собственно с Вестой не ясна. К тому же надо учесть, что Палладий, по легенде, был привезен Энеем и, получается, не имел местного римского происхождения.

С течением времени ситуация не менялась. Даже в I в. до н.э. представления Цицерона о человекоподобном виде богов выглядели умозрительными и расплывчатыми, при этом явно навеянными духом эллинистической философии: «Итак, если человеческая фигура превосходит по форме все живые существа, а бог – живое одушевленное существо, то, конечно, его облик прекраснее всех. И так как известно, что боги в высшей степени блаженны, а блаженным может быть только тот, кто добродетелен, а добродетель не может быть без разума, а разум может быть только у человека, то должно признать, что боги имеют человеческий образ.

Однако этот образ не есть тело, но как бы тело, и не имеет крови, но как бы кровь» [17, О природе богов, кн. I, § 48–49].

Но даже если говорить о персонифицированных, на первый взгляд, богах, то у римлян так и не сложилось четких представлений об их функциях. Так, Марс – бог войны являлся таковым только в связи с его обязанностями охранять Город. Помимо этого, он отвечал за поддержание плодородия общинной земли и репродуктивной способности населения [12, с. 85]. Римская Венера также не была изначально только богиней любви. Эта функция была ей приписана довольно поздно по аналогии с греческой Афродитой. Изначально она имела довольно определенное отношение к военной деятельности (см. о культах Суллы и Цезаря [3, с. 148–151, 171–172]). Многочисленные функции имели римские Юнона, Веста и даже Юпитер. Последний вовсе не был прямой копией греческого Зевса-громовержца. Римляне наделили его множеством «полномочий», часто дублирующих «полномочия» других божеств. Например, главные благодарственные жертвы в честь победы над врагом римский полководец приносил не Марсу, а именно Юпитеру.

«Размытость» обязанностей и полномочий была характерна для всего римского пантеона, из-за чего у пунктуальных и богобоязненных

римлян (сочетание крайне неудачное с житейской точки зрения) часто возникали трудности в исполнении культовых действий. Причем иногда эти трудности приобретали угрожающий в общественном понимании характер. Так, например, крайне опасной ситуацией признавались случаи т.н. продигий – знамений, свидетельствующих о божественном гневе из-за нарушения *pax deorum*. К продигиям относились разного рода природные катастрофы. Разъяснение таких знамений представлялось делом «государственной» важности, т.к. признавалось, что пристальное внимание богов было обращено, прежде всего, на общину в целом. За знамениями должны были следовать общественные жертвоприношения, искупительные церемонии и тому подобные мероприятия, бесчисленными упоминаниями о которых наполнены источники по римской истории [11, кн. XXI, § 46 (1), § 62 (1); кн. XXII, § 1 (8), § 36 (7–9), § 57 (2–5); кн. XXIII, § 31 (13, 15); кн. XXVII, § 11 (1–6), § 37 (7–13); кн. XXX, § 2 (12–13); кн. XXXII, § 1 (10–13) и др.]. И если божество, пославшее знамение, устанавливалось неправильно, то искупительные жертвы, по римским представлениям, направлялись не по адресу. Результат такой ошибки виделся катастрофическим.

И вот тут спасительной оказывается практика установления культов нуменам. Под ними, видимо, и скрывались случаи, когда римские жрецы не смогли определить исходное божество, пославшее знак своим согражданам. Так как проигнорировать в культовом смысле проявление божественной силы было невозможно, оно почиталось под эпитетом (со временем воспринимавшемся уже как «собственное имя» нумена), отражающим суть произошедшего, без упоминания «божественного лица», которому этот эпитет был предназначен.

Случаев таких было немало, как и неясностей с божественными волеизъявлениями [4, кн. II, гл. 28 (2)]. Хорошо иллюстрирует ситуацию сообщение Авла Геллия о том, что в случае землетрясения искупительная жертва приносилась «или богу, или богине» (*sive mas, sive femina*), поскольку не было точно известно, какое именно божество трясет землю, и такое обращение позволяло избежать ошибки [Там же, гл. 28 (3)]. В таком же ключе было сформулировано и обращение к римскому Гению, имевшееся на щите в храме на Капитолии. Также неопределенно звучит фраза, обращенная к Юпитеру: *Juppiter Optimus Maximus, sive quo alio nomine te appellare volueris*⁴ [26, Аен. II, 35].

Если же божество точно определялось, то факт божественного воплощения отражался в учреждении культа, в названии которого фигурировал не только эпитет, но и имя самого бога. Так, Светоний упоминает

⁴ Юпитер Всеблагий Величайший, или как ты хочешь, чтобы тебя называли.

о событии 22 г. до н.э., произошедшем в Испании, когда молния ударила перед носилками Октавиана Августа, что было понято как проdigия, вследствие чего был основан храм Юпитеру Громовержцу [27, Aug., 29 (3)]⁵.

Предположительно, вера в нуменов вытекала из довольно прочно утвердившегося в народном сознании убеждения в существовании некоего изначально единого божественного начала. В дальнейшем, по тем или иным причинам, оно так и не получило в полной мере разделения на персонифицированные и, тем более, антропоморфные объекты, взаимоотношения которых могли бы приобрести мифологическое оформление. Даже имея в своем пантеоне определенное количество персонифицированных богов, римляне пытались и их объединить в коллегии. Причем имена некоторых членов этих «божественных коллегий» считались неизвестными по той причине, что они представляли собой священную тайну – вполне исчерпывающее объяснение для никогда не существовавшего знания. Результатом такого мировоззрения стало появление сакрального почитания нуменов, явившихся удобными и понятными для религиозного сознания относительно персонифицированными объектами культа. Дальнейшая консервация религиозных воззрений стала отражением присущей римскому обществу глубокой веры в связь религиозного культа с безопасностью *civitas*, где любое новшество, уход от веры отцов могли восприниматься как угроза существованию всей общины. Ведь начиная с I в. до н.э. так называемое «разложение нравов» считалось угрозой обществу именно в связи с нежеланием отдельных представителей общины уважать религиозное право и религиозные традиции государства⁶.

Обращает на себя внимание, что все перечисленные выше примеры культов нуменов были связаны с государственной сферой. Могли ли они быть каким-либо образом связанными с деятельностью политических и военных лидеров римской общины?

Следы первобытного тотемизма и фетишизма можно найти в римских источниках, передающих отголоски древнейших сказаний о происхождении людей от неких природных существей. Так, у римлян существовал культ дуба. Венки из дуба были атрибутами царей Альбы-Лонги, которые при этом носили прозвище Сильвии, т.е. «лесовики». Такие же венки носили и древние цари Рима. Еще Д. Фрезер указывал на то, что

⁵ Храм Юпитера Громовержца упоминается и у Плиния Старшего [13, кн. XXXIV, § 10, § 78 и др.].

⁶ Эта тема с особым вниманием разрабатывалась в трудах Саллюстия [25] и Цицерона [22].

дуб в римских поверьях связан с Юпитером как покровителем царской власти, и цари Альбы и Рима воплощали не просто дух дуба, но, прежде всего, дух Юпитера. Ливий сообщает, что до Нумы культом Юпитера ведали именно цари [11, кн. I, § 19 (6)]. Но интересно, что, по легенде, царь Латин после смерти стал почитаться в горном лесу как Юпитер Латиарис [18, с. 112]. Простое прижизненное служение Юпитеру причины такого названия культа не объясняет. Однако если предположить, что царь Латин считался при жизни воплощением Юпитера, т.е. его нуменом, то понятно, почему возник такой культ. Он был учрежден не собственно царю Латину, а в память о «факте» воплощения в нем силы Юпитера, т.е. главным адресатом здесь являлся Юпитер.

Именно такого характера видятся культы и некоторых других персонажей римской истории. Так культа был удостоен Эней – предок Ромула и основатель нового государства в Лации, «силой своей не уступающего соседям» [11, кн. I, § 2 (3)]. После свершения многих славных дел он погиб в сражении и был похоронен над р. Нумиком (в Лации), близ Ардеи. По рассказу Ливия, Энея обожествили под именем Юпитера Индигета (*Jupiter Indiges* – Юпитера родоначальника) [Там же, § 4 (6)], а Дионисий [5, кн. I, § LXIV], упоминает существовавший еще в его время посвященный Энею древний героон⁷.

Даже если предположить, что легенда об Энее могла появиться довольно поздно и не без греческого влияния [11, кн. XXIX, § 12 (14); кн. XXXVII, § 37 (1)], сам сюжет об Энее явно хранит в себе некие древние сказания. В 1960–70-х гг. в ходе раскопок на территории древнего Лавиния была обнаружена стела⁸ конца IV – начала III вв. до н.э. с посвящением «Лару Энею». Чуть позже в этом же месте обнаружили и героон IV в. до н.э. При этом культ лица, погребенного в герооне, был более древним, хотя и приобрел большую значимость только в IV в. до н.э., судя по масштабам перестройки, которую удалось установить. Древнейшая же часть этого памятника могла относиться к концу VII – началу VI вв. до н.э.

Эти приблизительные сроки отсылают нас к временам «этрuscoго» Рима и началу его постепенного превращения в государство. Не пришла ли легенда об Энее в Рим от этрусков? [8, с. 149]. На этрусский след указывает вероятный государственный характер этого культа. Известно, что понтифики и консулы эпохи Республики ежегодно приносили жертвы богам-прародителям в Лавинии [11, кн. V, § 52 (8)]. Возвращаясь

⁷ Скульптурное или архитектурное сооружение-святилище на месте гибели или захоронения героя. Обязательным элементом места культа была роща.

⁸ Каменная плита, устанавливаемая в качестве погребального или памятного монумента.

к свидетельствам Ливия и Дионисия, все это могло иметь отношение к культу Энея, приобретшим с течением времени государственное значение.

Свой культ получил и Ромул – основатель и первый царь Рима. Ливий сообщает, что рассказывали, будто Ромул вовсе не умер, а был унесен вихрем при большом скоплении народа [11, кн. I, §16 (1); 16, О государстве, кн. I, § 25]. После исчезновения Ромула все собравшиеся, «будто пораженные страхом сиротства, хранили скорбное молчание. Потом сперва немногие, а за ними все разом возглашают хвалу Ромулу, богу, богом рожденному, царю и отцу города Рима, молят его о мире, о том, чтобы благой и милостивый, всегда хранил он свое потомство» [11, кн. I, § 16 (2–3)]. Некий Прокул Юлий позже утверждал, что якобы встретил Ромула, сошедшего с небес и возвестившего о великой судьбе Рима, которому предстоит стать главой всего мира [Там же, § 16 (5–7)].

Учитывая последнее происшествие, легенда могла и не иметь отношение к периоду архаики. Но фактом является то, что в довольно древние времена Ромул, отец-основатель Города, был отождествлен с Квирином, богом, возможно, сабинского происхождения. Квирин-Ромул был одним из наиболее чтимых в Риме богов. Его культ часто объединяли с культурами других древних италийских божеств: Януса, Марса, Юпитера, – хотя были и места индивидуального почитания Ромула – «хижина Ромула» и «гробница Ромула» (на месте древних комиций⁹) [19, с. 46].

Имелись и другие герои римских легенд, удостоенные культа. Это Танаквиль, супруга Тарквиния Древнего – первого этрусского царя Рима, известная также под именем Гайи Цецилии. Ее статуя с пряжкой и шерстью имелась в римском храме бога Санка. Она считалась изобретательницей ткачества особого вида туник [19, с. 49]. Нужно вспомнить и Акку Ларенцию – приемную мать Ромула и Рема [4, кн. VII, гл. 7]. Легендарные Горации и Куриации также были отмечены сакральным почитанием. У Дионисия [5, кн. V, § XIV, § XVI (2)] есть упоминание о некоем святилище в роще Героя Горация и о культе Януса Куриация и Юноны Сестринской, на алтарях которых ежегодно совершались жертвоприношения [Там же, кн. III, § XXII (5–7)]. Нужно отметить, что в перечисленных выше случаях поклонения памяти героев так или иначе упоминалось какое-либо божество, следовательно, эти культы нельзя назвать прямым обожествлением.

У Геродиана, историка III в. н.э., есть интересное упоминание о том, что в древности имелся обычай объявлять умершего царя богом после сожжения его тела (Hist., IV, 2) [цит. по: 1, с. 35]. Но прямое обожествление

⁹ *Comitium* – место народных собраний в Древнем Риме.

царей вызывает сомнение, ведь Геродиан – автор довольно поздний для описываемого исторического периода. Однако здесь явно слышится отголосок древней веры в близость носителей верховной власти к божественным силам. Безусловно, на него наслаивается не менее древняя римская традиция обожествления мертвых предков, но, по сути, она не связана с верой в нуменов, хотя это наслоение явно прослеживается и в учреждении упомянутого выше культа Энея как Юпитера Индигета. Культ предков в Древнем Риме – это еще одно очень интересное и неоднозначное для понимания явление древней религиозной культуры, но оно выходит за рамки нашей темы. Кроме того, связь руководителей *civitas* с нуменами богов, прежде всего, Юпитера, прослеживается не только в сюжетах об учреждении посмертных культов. Это указывает на необходимость отделять культ правителей от культа предков при рассмотрении данной темы.

Так, в Риме был обычай, по которому военный предводитель, царь (*rex*), посвящал богам добычу, захваченную на войне. Еще Ромул якобы посвятил свою первую *spolia opima*¹⁰ Юпитеру Феретрию, почитавшемуся на Капитолии в виде священного дуба. А. Немировский предположил, что *spolia opima*, как и обычай поединка между предводителями войск, отражают веру в то, что в схватке побеждает не человек, а вселившаяся в него или руководящая им божественная сила [12, с. 100]. В таком случае акт посвящения вражеских доспехов божееству означал их передачу тому, кто являлся настоящим победителем и имел на них законное право. Победивший же полководец мыслился всего лишь объектом воплощения (временного или постоянного) божественного «нумена».

Но при этом правитель не терял своей индивидуальности. Будучи ключевой фигурой в отношениях между людьми и богами и в поддержании *pax deorum*, он нес персональную ответственность перед богами как за общину (государство), так и за свое собственное поведение. Если правитель по какой-либо причине становился неугодным богам, то можно предположить, что по древним верованиям он не мог рассчитывать и на воплощение в нем божественных сил, а значит, его нахождение у власти могло привести к бедствиям для всей общины. Он становился не только не нужным, но и опасным. В этом случае его персона должна была быть центральной в сакральных обрядах искупления божественного гнева. А. Коптев обращает внимание на то, что действительно, смерть римских царей во многом напоминала жертвоприношение [10, с. 69], как, например, в легенде о Тулле Гостилии [11, кн. I, §31 (7);

¹⁰ Вооружение, снятое с убитого вражеского военачальника или царя.

§32 (2)]. При этом посмертного культа удостоивались только те из них, кто в противоправных и неприличествующих их статусу действиях замечен не был и которые до конца своих дней считались носителями божественной энергии.

Сказанное выше дает основание считать, что в Риме действующие представители верховной власти представлялись проводниками божественной энергии и воли и почитались в качестве божественных нуменов. На особый священный статус правителя – военного руководителя и его приоритет в общении с богами не повлияло даже появление жреческих коллегий при царе Нуме [11, кн. I, § 20 (1–2)], указывавшее на укрепление жречества. Этот приоритет, проистекающий из веры в правителя как божественного нумена, сохранялся и в республиканский период. Хотя здесь «статус» нумена мог быть только временным, что определялось характером республиканских магистратур; и эта временность не допускала в дальнейшем учреждения посмертного культа. Эта вера сохранялась и в эпоху императоров, которые, кроме того, как известно, вернули себе право на постоянное, пожизненное исполнение правящих функций. Возможно, с этим и было связано возрождение не только прижизненного, но и посмертного императорского культа, который во многом основывался на традиционных римских верованиях. Об устойчивости традиции говорит имеющееся сведение, что в 13 г. н.э. император Тиберий освятил алтарь Numina Augusti [19, с. 102]. В названии этого культа уже сквозят веяния новой эпохи, и прочтение его может быть спорным, но то, что в нем отражена традиция, – безусловно.

В более удаленные времена, трансформировавшись в соответствии с новыми политическими и идеологическими реалиями, рассмотренные древние представления проявились в христианском признании правителя «помазанником Божиим».

Такая жизнеспособность верования могла объясняться тем, что традиционное посмертное и прижизненное, временное или постоянное культовое почитание правителей в Риме не означало их прямого обожествления. Целью культа было выражение благодарности божественным силам за проявленную заботу о римской общине, при этом объектом культа являлось само божество. Отсюда частые совместные культы «обожествленного» лица и собственно бога.

Последнее интересным образом прослеживается даже в италийских сказаниях об учреждении местного культа Геракла (Геркулеса). По легенде, переданной Ливием, первый алтарь в честь Геркулеса воздвиг сам Геркулес, и он сам же принес на нем первую жертву [11, кн. I, § 7]. Принести жертву самому себе кажется поступком довольно странным. Но если предположить, что изначально по легенде Геркулес

соорудил алтарь и принес жертву некоему божеству, нуменом которого он мог себя считать по местным поверьям и, впоследствии, вместе с ним почитаться, то в этом случае это событие уже не выглядит таким сомнительным. Однако подробности могли стереться со временем из народной памяти, учитывая наложение греческой традиции, по которой Геракл был обожествлен непосредственно. Впрочем, у Страбона есть упоминание, что первый культ Геракла в Италии был учрежден все же легендарным Эвандром, но при жизни Геракла [14, кн. V, гл. III, §3], что говорит, по крайней мере, что Геракл не поклонялся самому себе.

Образ Геракла (Геркулеса) в Италии, да и вообще в индоевропейской традиции – это еще одна необъятная тема для изучения, особенно если принять во внимание неоднозначную роль данного персонажа в дальнейшем развитии религиозных идей античного общества. Здесь уместно вспомнить старую статью Л. Ельницкого, название которой говорит само за себя: «Геракл и миф о Христе» [7, с. 452–457].

Итак, из всего вышесказанного можно предположить, что в римском сознании на протяжении многих веков упорно сохранялась и культивировалась очень древняя по своему происхождению вера в единое или коллективное божественное начало, что в определенной мере тормозило процесс складывания представлений о персонифицированных и антропоморфных богах. Все это стало причиной возникновения веры в нуменов, природа которых допускала существование высшего непостижимого божественного начала, имевшего свое выражение во множестве близких и понятных объектах повседневного культа. Признавалось, что в виде нуменов боги, как неотъемлемая часть мироздания, являли себя в материальном мире людей. Практика учреждения культа нумену – воплощению божества – с упоминанием только события или явления, т.к. объект культа не всегда получалось определить, была довольно частой и постепенно становилась привычной.

Вера в нуменов в большей степени проявлялась в сфере событий, связанных с благополучием римской *civitas*. Безусловная вера в ее сакральность привела к убеждению о возможности божественного воплощения в людях, связанных с ее управлением, что создало культ власти, проявившийся в сакральном почитании персон правителей-нуменов – охранителей и спасителей своей общины. Так в человеческой истории воплотилась история божественных деяний, и мифология как таковая оказалась излишней.

Нельзя отрицать, что эпитеты богов в наиболее древних культах их нуменов могли со временем становиться самостоятельными божествами. Так, Г. Виссова обращал внимание на то, что *Liber*, вполне самостоятельное божество уже во времена Республики, изначально

олицетворял особую функцию Юпитера, ставшую отдельным божеством [29, с. 138], т.е., возможно, изначально был нуменом Юпитера. Определение нуменам, данное Арнобием в IV в. н.э., отразило судьбу именно этого направления развития веры. Но Арнобий противостоял приверженцам язычества, которое очень отдаленно напоминало религиозные представления, бытовавшие в Риме на рубеже эр, не говоря уж о более древних временах.

Изначально же в вере в нуменов было заложено убеждение (и на рубеже эр оно еще имело место) в возможность существования единой божественной силы, не имеющей материальной антропоморфной персонификации, но руководящей миром и способной воплощаться во множестве нуменов, которым мог стать и человек, с целью спасения и охранения этого мира. Не есть ли это повод с большим вниманием посмотреть на сложившиеся в современном представлении основы и принципы язычества древних европейцев? Во всяком случае, новизна монотеистических учений для древних европейских обществ и видение в их появлении только результат восточных культурных заимствований начинают вызывать сомнения. В древних индоевропейских культурах имела своя, вполне осязаемая, почва для их прорастания. Эта статья – всего лишь штрих на обширной картине исследований в области истории религии, и вопросы, которые были подняты, выходят за рамки истории и имеющихся у нас источников Древнего Рима. Только комплексный подход к изучению древнейших индоевропейских этносов от Италии до Великой Русской степи могут дать на них ответ.

Библиографический список

1. Абрамзон М.Г. Римская армия и ее лидер по данным нумизматики. Челябинск, 1994.
2. Арнобий. Против язычников / Пер. Н.М. Дроздова под ред. А.Д. Пантелева. СПб., 2008.
3. Волкова И.Ю. Религиозное обоснование власти и политического лидерства в Риме (царский и республиканский периоды): Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005.
4. Геллий, Авл. Аттические ночи / Пер. под общ. ред. А.Я. Тыжова, А.П. Бехтер. В 2-х т. СПб., 2007–2008.
5. Дионисий Галикарнаский. Римские древности / Пер. под ред. И.Л. Маяк. В 3-х т. М., 2005.
6. Дмитриев С.В. Пенаты и Диоскуры в истории раннего Лация // Религия и община в древнем Риме / Под ред. Л.Л. Кофанова и Н.А. Чаплыгиной. М., 1994. С. 164–189.

7. Ельницкий Л. Геракл и миф о Христе // Прометей. Т. 7 / Ред.-сост. С. Резник. М., 1969. С. 452–457.
8. Ильинская Л.С. Находки в древнем Лации и их место в понимании традиции об Энее на Западе // Вестник древней истории. 1983. № 3. С. 146–158.
9. Кнабе Г.С. Рим Тита Ливия // Тит Ливий. История Рима. В 3-х т. Т. 3. / Под ред. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе. М., 2002. С. 649–708.
10. Коптев А.В. Об «этрусской династии» архаического Рима // Античность и средневековье Европы / Под ред. И.Л. Маяк и А.З. Нюркаевой. Пермь, 1994. С. 68–78.
11. Ливий, Тит. История Рима от основания города / Пер. под ред. М.Л. Гаспарова, Г.С. Кнабе. В 3-х т. М., 2002.
12. Немировский А.И. Идеология и культура раннего Рима. Воронеж, 1964.
13. Плиний Старший. Естественная история. Об искусстве / Пер. Г.Л. Таронана. М., 1994.
14. Страбон. География в семнадцати книгах / Пер. Г.А. Стрятановского. Л., 1964.
15. Цицерон, Марк Туллий. Речи в 2-х т. / Пер. В.О. Горенштейна. М., 1993.
16. Цицерон, Марк Туллий. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма / Пер. В.О. Горенштейна. М., 1999.
17. Цицерон, Марк Туллий. Философские трактаты / Пер. М.И. Рижского. М., 1985.
18. Штаерман Е.М. От религии общины к мировой религии // Культура древнего Рима. В 2-х т. Т. 1 / Отв. ред. Е.С. Голубцова. М., 1985. С. 106–209.
19. Штаерман Е.М. Социальные основы религии древнего Рима. М., 1987.
20. Beard M., Crawford M. Rome in the late Republic. Problems and Interpretations. L., 1985.
21. Boyancee P. Etudes sur la religion romaine. Paris, 1972.
22. Cicero, Marcus Tullius. Collected works. In 20 vol. / With an English translation by H. Caplan, H.M. Hubbell, E.W. Sutton, H. Rackham, J.H. Freese, L.H.G. Greenwood, H.G. Hodge, W.G. Williams. Cambridge (Mass.), L., 1967–1989.
23. Festus, S. Pompeius. De verborum significatione / Ed. W.M. Lindsay. Lipsiae, 1913.
24. Lattier K. Römische Religionsgeschichte. München, 1960.
25. Sallustius, Crispus Caius. Selected works / With an English translation by J.C. Rolfe. Cambridge (Mass.), L., 1985.
26. Servius Honoratus, Maurus. Grammatici qui feruntur in Vergilii carmina commentarii. Vol. 1–2. Lipsia, 1881–1884.
27. Suetonius, Tranquillus, Caius. Collected works. In 2 vol. / With an English translation by J.C. Rolfe. Cambridge (Mass.), L., 1979.
28. Wagenwoort H. Roman Dynamism. Oxf., 1947.
29. Wissowa G. Religion und Kultus der Römer. München, 1912.

Волкова Ирина Юрьевна – кандидат исторических наук, независимый исследователь

E-mail agat73@yandex.ru

I. Volkova

To the issue of Roman *numina*

Belief in *numina* is an unsolved problem of the history of Ancient Rome. The aim of the article is to identify the components of this religious phenomenon. On the basis of original ancient testimonies we can state that *numina* were not considered separate and individual «small gods» but incarnations of certain members of Roman pantheon in various objects of the material world with the purpose of expressing their will or protection regarding the Roman *civitas*. As the conception of gods' personification and their functions was quite indistinct in the Roman ideology, establishing cults of divine *numina* was quite convenient to memorialize these events giving them the names of the divine acts or gods' epithets without the gods' names to avoid mistakes in identification of the personality of the gods. Roman religious beliefs were tightly connected with the political sphere of the Roman state. The study of the nature of the cults of ancient Roman kings and some other sacral customs shows that the state leaders were worshipped as gods' *numina* posthumously as well as in their lifetime. This tradition underlay sacralization of the authority of Republic magistrates, Roman emperors and later Christian kings as anointed sovereigns. The phenomenon of worshipping divine *numina* can be considered one of the basic components of ancient Roman religious doctrine. It combined the belief in the single (hardly divisible) divine spirit and its ability to incarnate in material objects including humans for the sake of protection of the world that could make the ground for germination of monotheistic doctrines in the first century AD.

Key words: Ancient Rome, Roman Kingdom, the cult of political authority in Rome, divine *numina*, the cult of Roman rulers, Romulus, Aeneas, Heracles.

Volkova Irina Yu. – PhD in History, an independent researcher